ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ И БЕЛА IV
К реконструкции русско-венгерских отношений 30-х годов XIII в.

М. М. Волощук
(Ивано-Франковск, Украина)

Одной из центральных и пока еще мало изученных проблем истории русско-венгерских отношений середины XIII в. является вопрос о вассальных связях галицко-волынского князя Даниила Романовича (1238–1264) и венгерского короля Белы IV (1235–1270). Несмотря на значительное количество существующих документальных свидетельств (летописи, хроники, буллы и др.), данная тема не стала пока предметом специального анализа.

Особого внимания заслуживает сообщение об участии Даниила в коронации Белы IV, которая происходила 14 октября 1235 г. в Секешфехерваре и предусматривала два обязательных атрибута: участие в этой процедуре архиепископа Эстергома и возложение на голову монарха Святой короны. Даниил, как свидетельствует предание, во время торжественной процессии вел королевского коня.

Так, на страницах «Иллюстрированной хроники» секешфехерварского монаха Марка Кальти указывается:

> Rex Bela post eum filius eius coronatus est pridie Idus Octobris feria prima qua cantatur: Da pacem domine! In cathedrali ecclesia beati Petri Albe, quam ipse consecrari fecit, Colomano duce fratre eiusdem ensem regalem ad latus ipsius honorifice tenente, Daniele uero duce Rutenorum equum suum ante ipsum summa cum reuerencia ducente[1].

События коронации Белы отображены в хронике Генриха из Мюгельна, который работал над ней в 1358–1361 гг., описав историю Германии от самых давних времен до 1333 г.[2]:

> In des selben kronung stund herczog Coloman, sein pruder, und heit im das kunclich swert czu der rechten hant, und der herczog Daniel von Reussen furt das ros vor dem kunge. Der selb kunig Bela was gewaldig funf und dreyssig jar[3].

[1] Chronikon Pictum Vindobonense // Historiae Hungaricae Fontes domestici / Ed. M. Florianus. Lipsiae, 1883. S. 223.

[2] Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М., 1997. С. 379.

[3] Chronicon Henrici de Mügeln Germanice conscriptum // SRH. V. 2. Budapestini, 1938. S. 207.

© М. М. Волощук, 2006

На этапе упрочения венгерской сословной монархии во времена Матяша Хуньяди (1458–1490) эпизод коронации Белы IV в неизмененном виде вошел в труд «Chronica Hungarorum» Яноша Туроци (1435–1488/89)[4].

Компиляторы венгерских хроник XIX в. данный эпизод угро-русских контактов также вспомнили, несколько сократив само сказание о коронации Белы:

> Post paucos a patris obitu dies, ne, simora longior intercederet, rerum novarum studiosi aliquid molirentur, Albam contendens, consueto more, Colomanno fratre ensem praeferente *a)* Daniele Russorum Duce equum ducente *b)* coronatus est[5].

Важными для нашего исследования являются артикулы Золотых булл короля Эндре II (1205–1235) от 1222 и 1231 гг.[6], которые регламентировали общественные отношения в стране, в том числе между представителями правящей династии и ее подданными, а также касались внешней политики королевства.

Следовательно, в западноевропейских источниках наиболее ранним сообщением об участии Даниила Романовича в коронации Белы является эпизод, приведенный в труде Марка Кальти. Достоверность данных этого хрониста, касающихся изучаемых событий, — вопрос дискуссионный, поскольку автор приступил к написанию своего произведения в 1358 г. во времена правления Лайоша Анжуйского (1342–1382), также включив туда исторические сведения о мадьярах с древнейших времен до 1330 г.

Учитывая, что в хронику вошли ранние протографы XI– XII вв.[7], а сам Кальти происходил из города, который был местом коронации всех венгерских королей начиная со второй половины XI в., информацию, приведенную хронистом, следовало бы считать достоверной. Однако стоит помнить, что данный труд появился во времена активного продвижения венгерского и польского влияния на территорию Галицкой и Волынской земель в середине — второй половине XIV в. Поэтому в то же время можно допустить, что это сознательный фальсификат, созданный по заказу правящей династии, призванный дополнительно аргументировать существование во времена Арпадов (895 — 1301) прав на данные земли, и что именно из «Иллюстрированной хроники» информация о коронации Белы, включая не до конца понятное известие об участии в ней Даниила, была заимствована другими авторами.

Вместе с тем в нашем распоряжении есть также ряд известий русских летописей (в первую очередь Ипатьевской), косвенно отразивших исследуемые события и в то же время объясняющих особенности отношений Даниила Романовича и Белы IV после 14 октября 1235 г. В частности, в Ипатьевской (Галицко-Волынской) летописи читаем:

> Данилъ же в то время шелъ бѧше со братомъ своимъ Ѹгры ко королеви, бѣ бо звалъ его на честь. В то время пошелъ бяше Фридрихъ царь на гѢрцика воиною, и восхотѢста ити Данилъ со братомъ Василкомъ гѢрцикови во помощь. Королеви же возбранившоу има, возвратистася во землю свою[8].

[4] Thuróczy J. A magyarok krónikája. Budapest, 1978. O. 210.

[5] Historia Regum Hungariae cum notiis praeviis. Budae, 1801. S. 234.

[6] Magyar történeti szöveggyűjtemény 1000–1526. Budapest, 2000. O. 268–278.

[7] Шушарин В. П. Древнерусское государство в западно и восточно-европейских памятниках // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 430.

[8] ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1998. Стб. 776–777.

По мнению Н. Ф. Котляра, автора комментария к новейшему изданию Галицко-Волынской летописи, описываемые события происходили в конце 1236 — первой половине 1237 г.[9]

Проблему вассального подчинения князя Даниила Беле IV или хотя бы вероятность такового акта, комплексно историки практически не рассматривали. Мы располагаем только отдельными замечаниями ученых относительно взаимоотношений Арпадов и Романовичей в 1235 — 1238 гг.

Автор одного из первых фундаментальных трудов по истории России В. Н. Татищев проблемы участия волынского князя в коронации Белы не касался, хотя под 6741 (1233) г. сообщил, что «Даниил Романович, имея в Галиче с королем венгерским войну тяжелую и победив угров в горах, учинил с ними мир. Отрекся король по грамоте Мстислава от Галича»[10]. Это — намек на нормализацию отношений с Эндре II, но не с его сыном, который в октябре 1235 г. унаследовал корону. Н. М. Карамзин, оценивая события 14 октября 1235 г., высказал четкое мнение о вассальной зависимости Даниила от Белы. Первый, по его словам, вел королевского коня, что «было тогда знаком подданства»[11]. Галицкие историки-краеведы А. С. Петрушевич и И. И. Шараневич касались лишь вопроса взаимоотношений Романовичей с черниговскими князьями и австрийским герцогом в 1235–1237 гг., констатируя при этом нежелание Белы видеть в Галиче «сильную власть», и ничего не говорили о возможности вассальной зависимости волынского князя[12].

Более определенно по данному вопросу высказался Н. П. Дашкевич. В своем труде «Княжение Даниила Галицкаго по русским и иностранным известиям» он отмечал, что участие Даниила в коронации Белы считалось признанием вассальной зависимости от венгерского короля. Исследователь констатировал, что во время торжеств никаких соглашений с Романовичами не заключалось, ибо Бела IV в борьбе за Галич поддерживал Ростислава[13].

О попытке Даниила возвратить в 1235 г. Галич писал М. С. Грушевский[14]. Историк не отрицал возможности участия волынского князя в коронации, означавшего, по его мнению, признание определенного верховенства Белы. Романович осуществил свою поездку с намерениями установить добрососедские отношения и отдавался под протекторат короля с тем «чтобы положить конец вмешательству Венгрии в галицкие дела»[15]. Взгляды М. С. Грушевского разделяла Н. Д. Полонская-Василенко, заметившая, что «новый король Бела IV не проявлял интереса к Галичине, а Даниил, стремясь к миру, даже отдался под его протекцию». Но король «поддержал кандидатуру Михаила Черниговского на Галицкий престол»[16].

---

[9] Котляр М. Ф. Коментар // Галицько- Волинський літопис. Дослідження. Текст. Коментар / За ред. М. Ф. Котляра. Київ, 2002. С. 228.

[10] Татищев В. Н. История Российская: В 3 т. Т. 2. М., 2003. С. 541.

[11] Карамзин Н. М. История Государства Российского: В 3 кн. Кн. I. Т. 4. М., 1988. С. 163.

[12] Петрушевич А. Обзор важнейших политических и церковных происшествий в Галицком княжестве с половины XII до конца XIII века // Литературный сборник издаваемый обществом Галицко-русской матицы. Вып. 2. Львов, 1854. С. 31; Шараневич И. 1) История Галицко-Володимирской Руси от найдавнейших времен до року 1453. Львов, 1863. С. 84; 2) Исследование на поли отечественной географии и истории // Литературный сборник, издаваемый Обществом Галицко-русской Матицы. Вып. 1–4. Львов, 1869. С. 90.

[13] Дашкевич Н. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 8.

[14] Грушевський М. С. Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи // ЗНТШ. Т. 41. Львів, 1901. С. 25–26.

[15] Грушевський М. С. Історія України-Руси: В 10 т., 11 кн. Т. 3. Київ, 1993. С. 52–53.

[16] Полонська-Василенко Н. Історія України: В 2 т. Т. 1. Київ, 1995. С. 197.

Проблема русско-венгерских отношений второй четверти XIII в. стала предметом обзора И. Г. Коломийца, отметившего, что «1234–1235 годы проходили в напряженной борьбе Романовичей и черниговских князей, которых "по соглашению" поддерживал Бела»[17]. Однако более детального объяснения этого договора автор не дал, как и не высказал своего мнения о характере отношений Даниила с Белой после 1235 г.

Значительно глубже изучаемый вопрос проанализировал В. Т. Пашуто. В частности, на страницах своих «Очерков по истории Галицко-Волынской Руси» ученый указал, что в 1235 г. Даниил ездил к Беле, чтобы предотвратить его вмешательство в галицкие дела. Автор считал, что только после предполагаемого участия Даниила на стороне австрийского герцога в войне с венграми, король предложил Романовичам какой-то договор, побудивший их отказаться от дальнейшей поддержки Фридриха Бабенберга и способствовавший захвату Галича в 1238 г.[18] В. Т. Пашуто полагал, что пребывание в Венгрии в 1237 г. стало дипломатическим успехом Романовичей, не позволивших Арпадам вмешиваться во внутренние дела Галицкой земли вплоть до нашествия монголов[19].

Современные украинские исследователи не считают вопрос о вассалитете Даниила Романовича актуальным. Так, ужгородский историк И. Лихтей, рассматривая обстоятельства зарождения союза Фридриха Бабенберга и волынского князя в середине 30-х годов XIII в., лишь констатирует участие последнего в коронации Белы. Не высказав собственного взгляда по данной проблеме, автор присоединился к точке зрения М. С. Грушевского[20].

В контексте анализа «дорогичинского инцидента» 1237 г. и военных походов против племен ливов и ятвягов о визите Романовичей «на честь» к королю лишь мельком упоминает А. Н. Масан[21].

Более глубоко данный вопрос изучал Н. Ф. Котляр. В одном из своих первых трудов, посвященных Галицко-Волынской летописи (1993), он указывал, что Даниил был приглашен «на честь» к Беле после установления отношений с Фридрихом Австрийским. По мнению историка, Даниил решил противопоставить венгерскому королю союз с австрийским герцогом. Это была дипломатическая победа над Белой, которая, по словам Н. Ф. Котляра, «почему-то не нашла отражения в Повести о возвращении Даниилом галицкого стола». «Можно думать, — продолжает исследователь, — что королю Венгрии пришлось хорошо заплатить за отказ Даниила от союза с Австрией... Вероятно, что когда Даниил посетил Венгрию, между ним и королем было подписано какое-то соглашение, по которому Бела IV обязывался не вмешиваться в волынские и галицкие дела»[22].

В исследовании биографии Даниила Романовича Н. Ф. Котляр предположил, что после захвата Галича черниговскими князьями, старший Романович обратился к

[17] Коломієць І. Г. Боротьба південно-західних руських князівств проти експансії угорських феодалів XI–XIII ст. ст. // Наукові записки Ужгородського державного університету. Історично-філологічна серія. Т. 2. Ужгород, 1949. С. 22.

[18] Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 217.

[19] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 257–258.

[20] Ліхтей І. 1) Австро-угорсько-чеське протистояння 30–50-х рр. XIII ст. // Carpatica — Карпатика. Вип. 21. Політичні студії: історія, теорія, практика. Ужгород, 2003. С. 119–120; 2) Боротьба Данила Романовича й Пршемисла Отакара II за австрійську спадщину // Король Данило Романович і його місце в українській історії. Львів, 2003. С. 76.

[21] Масан О. Добжинський Орден (до історії Дорогичинського інциденту 1237 року) // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнографії (зб. наук. ст.). Вип. 1. Чернівці, 1996. С. 49.

[22] Котляр М. Галицько-Волинський літопис XIII ст. Київ, 1993. С. 68.

Беле, так как с ним Даниила, воспитывавшегося при венгерском дворе, связывала детская дружба. Но детские воспоминания не помешали венгерскому королю в решающий момент поддержать соперника Даниила — Михаила Всеволодовича[23]. Король действовал из того расчета, что черниговский князь «не имел корней в Галичине» и не мог быть популярным среди мелких феодалов и народа. Поэтому взять Галицкую землю под Михаилом или его сыном было бы для венгров неизмеримо легче, чем под Даниилом[24]. Интересные наблюдения по изучаемому вопросу высказал В. С. Идзьо, предположивший, что Бела не поддержал Даниила потому, что был еще жив «галицкий король» Коломан. В 1236 г., когда Даниил прибыл «на честь» в Венгрию, между ним и Белой был заключен договор, согласно которому Бела был вынужден разорвать союз с черниговскими князями. Однако венгерский король, по мнению историка, рассматривал этот договор как временное соглашение[25].

Согласно А. В. Майорову, Даниил все же стал вассалом Белы, пойдя на этот шаг в обмен на королевскую помощь в борьбе за Галич. Помешал реализации этих планов Михаил Всеволодович, сумевший первым занять днестровскую столицу. Исследователь считает, что старший Романович вполне мог формально признать себя вассалом нового венгерского короля, подобно тому, как его отец некогда признавал себя вассалом краковского князя. А. В. Майоров выяснил цель поездки волынского князя к Беле осенью 1235 г. Она состояла в получении венгерской военной помощи для борьбы с черниговскими князьями. Мнение о получении Даниилом гарантий невмешательства во внутренние дела Галицкой земли историк отвергает[26].

В зарубежной историографии, в первую очередь венгерской, еще в XIX в. утвердилось мнение о безусловной вассальной зависимости волынского князя от венгерского короля. Однако ученые не выработали комплексного видения данной проблемы, представленной лишь беглыми замечаниями в отдельных работах[27].

Учитывая наличествующие источники, мы считаем, что проблема вассальной зависимости Даниила Романовича от короля Белы IV изучена весьма поверхностно и потому нуждается в дальнейшей разработке. По нашему мнению, невыясненными остаются мотивы участия волынского князя в церемониале королевской интронизации и позиция венгров в австро-галицких отношениях второй половины 30-х годов XIII в. Без должного внимания остается актовый материал Венгерского королевства, необходимый для более глубокого выяснения условий вассалитета и его последствий на фоне татарского лихолетья первой половины 40-х годов XIII в.

В средневековой Европе вассально-сюзеренные связи выступали фундаментом политической и социальной стабильности большинства государств. Как социально-правовой институт вассалитет окончательно сложился во Франкском королевстве времен майордома Австразии Карла Мартелла (688?–741) и его преемников — Пипина Короткого (751–768) и Карла Великого (768–814). В результате завоевания обширных территорий к востоку от Рейна и Одера, образования Франкской империи и последующего ее разделения система вассально-ленных отношений распространи-

[23] Котляр М. Данило Галицький. Київ, 2001. С. 84–85.

[24] Котляр М. Ф. Коментар. С. 228.

[25] Ідзьо В. С. Українська держава в XIII столітті. Івано-Франківськ, 1999. С. 194.

[26] Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 588.

[27] См., напр.: Szalay L. Geschichte Ungarns: In 2 t. T. 2. Pest, 1866. S. 33; Pauler Gy. A magyar nemzet története Árpád-házi királyok alatt: 2-ban. Budapest, 1893. K. 2. O. 189; Wlodarski B. Polska i Rus. 1194–1340. Warszawa, 1966. S. 108, 112; Font M. Ungarn, Polen und Galizien-Wolhynien im ersten Drittel des 13. Jh. // Studia Slavica Hungariae. 1993. №1–2. S. 36.

лась на Восточную марку — Германию. Ее правители, ставшие после 962 г. императорами, проводили активную внешнюю политику в отношении соседних восточных земель, стремясь распространить на них свой сюзеренитет.

После победы немецких рыцарей над венграми под Лехфельдом в 955 г. некоторые характерные черты западноевропейского феодального строя (в том числе и формы вассально-ленных отношений) постепенно распространились в Венгерском государстве.

Главным основанием западноевропейской вассально-ленной системы было, как известно, получение от сюзерена земельной собственности или другого имущества в обмен на несение военной службы, участие в заседании суда сеньора (или курии), содержание при определенных условиях его самого и его свиты, оказание финансовой помощи (auxilium) при выкупе сеньора из плена. Наибольшее внимание при этом уделялось военной службе, уклонение от которой в первую очередь символизировало нарушение долга вассала. В его обязанности входила также оборона земель сюзерена от любого внешнего нападения, причем срок службы в данном случае не регламентировался. При условии несоблюдения вассального соглашения земельное жалование вассала переходило в собственность сеньора, который при необходимости мог объявить войну своему непокорному слуге[28].

Заключение вассального договора сопровождалось четким, проверенным поколениями ритуалом. Вассал на коленях и с непокрытой головой вкладывал свои соединенные руки в ладони будущего сюзерена. Сеньор поднимал его с колен, и они обменивались поцелуями. Часто атрибутом и символом вассального подчинения было выполнение в пользу покровителя так называемой «маршальской службы» — сопровождения коня сюзерена при выходе из помещения, в котором происходила вассальная присяга[29].

На территории, подвластной династии Арпадов, вассально-ленные отношения имели некоторые особенности. В отличие от немецких земель в Венгрии все население считалось вассально подчиненным королю и должно было в его пользу выполнять разнообразные повинности. Местная знать получала от своего сеньора земельные участки и, как следствие, должна была нести военную службу. До 20-х годов XIII в. не было четкой регламентации этих обязанностей, трактовавшихся королем произвольно. Однако с появлением Золотых булл 1222 и 1231 гг. содержание отношений Арпадов с их сервиентами существенно изменилось[30]. В частности, 15-й артикул Золотой буллы 1231 г. устанавливал, что, когда «мы (король. — *М. В.*) будем воевать за пределами страны, знать не обязана выступать с нами. Только ишпаны и солтисы, йобагионы королевских крепостей, а также те, которые согласно должности относительно этого обязаны и те, кому мы предоставили наибольшие владения»[31].

Данное установление касалось и Галицкой земли, за контроль над которой король Эндре II вел упорную борьбу на протяжении всего своего правления с представителями черниговских Ольговичей и волынских Романовичей[32].

---

[28]См.: Колесницкий Н. Ф. Особенности вассально-ленных отношений в Германии X–XIII вв. // СВ. Вып. 32. М., 1969.

[29]Зінченко А. Історія дипломатії: від давнини до початку нового часу. Вінниця, 2002. С. 213–214.

[30]См.: Хрестоматия по истории средних веков: В 3 т. / Под ред. С. Д. Сказкина. Т. 2. М., 1963. С. 711–714; Magyar történeti szöveggyűjtemény 1000–1526. Budapest, 2000. O. 268–278.

[31]Az Aranybulla 1231. évi megújítása (Részletek) // Magyar történeti szöveggyűjtemény 1000–1526. Budapest, 2000. O. 275.

[32]См.: Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. С. 370–560.

Борьба за Галичину достигла апогея в первой половине 30-х годов XIII в., когда венгерский принц Эндре в последний раз от имени правящей династии правил в Галиче. Его враг Даниил Романович в начале 1234 г. сумел изгнать венгерские отряды из Поднестровъя, а сам Эндре умер в осажденной столице. Однако и волынский князь не задержался здесь надолго, поскольку вследствие боярского заговора в начале осени 1235 г. Галицией овладел черниговский князь Михаил Всеволодович с сыном Ростиславом, с 1228 г. союзник Арпадов.

Существование столь длительного союза между главными соперниками Даниила и Василька в борьбе за Галич вынуждало последних искать новых путей достижения своей цели даже ценой заключения вассального договора с новым венгерским королем Белой IV. Войско Арпадов в конце XII — первой половине XIII в. было одним из наиболее сильных в Центральной Европе, венгерская знать была заинтересована в проникновении на земли Поднестровья, поэтому волынские князья имели немного шансов силой вернуть себе Галичину. К тому же Даниил периодически должен был отбивать нападения с польских князей, литвы и половцев, а также недружественных правителей русских земель.

В связи со сказанным вполне понятным является визит Даниила в Секешфехервар для участия в коронации Белы IV. Ни один документ не отображает деталей торжеств, кроме указания, что они происходили в соборе св. Петра (In cathedrali ecclesia beati Petri Albe). Очевидным является присутствие во время коронационного акта нескольких официальных лиц — эстергомского архиепископа, брата Белы Кальмана и волынского князя Даниила. «С большим уважением» эти лица сопровождали нового монарха при выходе из церкви[33]. Совершал ли волынский князь в пользу сына Эндре II оммаж и фуа, как обязательные атрибуты вассального подчинения, неизвестно, однако выполнение маршальской службы при выходе из собора заставляет нас думать именно так. При подобных обстоятельствах в 1177 г. в венецианском соборе св. Марка немецкий император Фридрих I Барбаросса (1152–1190) признавал над собой сюзеренитет папы Александра III (1159–1181), выполняя такую же маршальскую функцию[34].

И хотя анализ непосредственных обстоятельств участия волынского князя в торжествах коронации Белы IV не выявил неоспоримых доказательств вассального подчинения Даниила венгерскому монарху, действия Романовичей в отношении Венгрии в период 1235–1241 гг. позволяют говорить об определенном сюзеренитете венгерского короля, не гарантировавшем, однако, никакой военной поддержки волынским князьям в борьбе за Галич. Можно согласиться с мнением М. С. Грушевского и В. Т. Пашуто, что король ограничился лишь обязательством временного невмешательства в галицкие дела[35].

Длительность такого нейтралитета, по нашему мнению, определена не была, поскольку в самой Галичине продолжала править провенгерская группировка нобилитета и союзники Белы из династии Ольговичей. Сам король и далее использовал в своем титуле приставку «rex Galitiae et Lodomeriae»[36]. Не отрекался от прав на Галич и принц Кальман, коронованный на рубеже 1214–1215 гг. как «rex Galitiae»[37].

[33] Chronikon Pictum Vindobonense. S. 223.

[34] Зінченко А. Історія дипломати... С. 214.

[35] Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 3. С. 52–53; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 217.

[36] CDH. T. 4. V. 1. Budae, 1829. S. 156, 215.

[37] Joannes Dlugossii. Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae: In 10 libres. Warszawa, 1973. Lib. 5–6. S. 204; Kronika Polska Marcina Kromera biskupa Warminskiego: W 3 t. T. 1. Sánok, 1857.

Нерешенной остается проблема содержания соглашения Арпадов с черниговскими князями, которые с сентября 1235 г. контролировали Галич, не испытывая ни прямого, ни косвенного сопротивления со стороны боярской верхушки. На первый взгляд это было довольно странно, ибо среди галицкого нобилитета еще должна была сохраняться память о злоупотреблении властью черниговских Игоревичей и их казни в 1210 г.[38] В данном историческом контексте напрашивается предположение о неких договоренностях Белы с галицкой знатью и Ростиславом Михайловичем, возможно, признавшим некоторую зависимость от венгерского монарха[39].

Оценивая характер зависимости Даниила от короля Белы IV, следует учесть один из обязательных атрибутов вассальных полномочий — военную службу в пользу сюзерена. После возвращения князя из Венгрии войска Романовичей как вспомогательные силы Короны Святого Иштвана не упоминаются ни в одном из известных нам источников. Князья сосредоточили свою дипломатическую и внешнеполитическую деятельность на других направлениях. Кроме двух конфликтов с черниговскими правителями за Галич Даниил и Василько на протяжении конца 1235 — начала весны 1237 г. провели несколько военных кампаний против болоховских князей, поляков, литовских и половецких племен, которые периодически опустошали приграничные земли Владимиро-Волынского княжества[40].

Только рубежом 1236–1237 гг. датируется первое сообщение летописца, о визите Романовичей к королю, позвавшему их «на честь»[41]. Некоторые историки (В. Т. Пашуто и Н. Ф. Котляр) настаивали, что это был исключительно дружеский шаг со стороны Белы, причем старший Романович в результате дипломатических переговоров даже сумел добиться каких-то уступок, позволивших возобновить борьбу за Галич.

Однако, на наш взгляд, визит к Арпадам был прямым проявлением выполнения вассальных обязанностей в период обострения отношений между Белой IV и австрийским герцогом Фридрих Бабенбергом. Летописец, очевидно сознательно не внес более детального описания посещения князем короля. Единственный факт, который привлек его внимание, — намерение волынских князей «ити... гѣрцикови в помощь», что было грубым нарушением норм вассального права.

В исторической литературе бытует мнение, что своими действиями Даниил принудил Белу пересмотреть прежнее отношение к нему лично и к его претензиям на Галич, пойти за определенные уступки (В. Т. Пашуто и Н. Ф. Котляр). А. В. Майоров отстаивает точку зрения, что Романовичи на протяжении 1237 г. вообще осуществили два визита в Венгрию. Первое посещение, по словам историка, произошло в начале весны, когда князья не должны были останавливаться в Венгрии, а шли на помощь герцогу Фридриху, с которым еще в 1235 г. завязали дружеские отношения. Во второй раз они посетили Арпадов летом, отправляясь «на честь» к Беле.

S. 376–377. См. также: Чубатий М. Західна Україна і Рим у XIII ст. у своїх змаганнях до церковної унії // ЗНТШ. Т. 123–124. Львів, 1917. С. 19.

[38] ПСРЛ. Т. 9. М., 2000. С. 63.

[39] Так, Ростислав Михайлович, возвращаясь во второй половине 1238 г. из похода на литовцев и узнав о потере Галича, отправился именно к Беле, а не к своим польским родственникам (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 783), чьи владения географически находились ближе. По нашему мнению, такое решение было продиктовано обязательствами, связывавшими Ростислава с Арпадами, о которых исторические документы не свидетельствуют.

[40] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 774–776.

[41] Котляр М. Ф. Коментар. С. 228.

Цель данного визита — подтверждение договора, который Даниил заключил раньше с союзником венгров Михаилом Всеволодовичем, получив от него Перемышль. Волынский правитель, по словам автора, также добивался «отказа венгерского короля от дальнейшего вмешательства в галицкие дела»[42].

В интерпретации летописных событий А. В. Майоровым невыясненным остается вопрос о маршруте, которым двигались полки Романовичей на помощь союзным Бабенбергам. Очевидно, располагая каким-то воинским контингентом, волынские князья направлялись через ближайшие, хорошо им известные галицкие земли, а также владения Арпадов, где, как указывал летописец, имели встречу с королем. Какое место в этих событиях занимали галицкие бояре и княживший в Галиче Ростислав? Учитывая, что Романовичи тогда состояли с ними в открытой конфронтации, с их стороны едва ли можно было ожидать лояльного отношения к маршу волынской дружины через Поднестровье. Нелогичным выглядит и дальнейшее поведение Романовичей, которые, преодолев столь значительное расстояние, в итоге отказались помогать Бабенбергам.

Не отвергая хронологии, представленной А. В. Майоровым, мы понимаем изложенные летописцем события иначе. Ключевыми вопросами в данной сложной международной ситуации остается мотивация отказа Романовичей оказать помощь своим австрийским союзникам, а также отношение галицкого нобилитета к перемещению через приднестровские земли вражеского войска.

Если придерживаться позиции В. Т. Пашуто и Н. Ф. Котляра о том, что Даниил был полностью самостоятелен в своих внешнеполитических действиях, остается непонятным, почему волынские князья не продолжили поход против императора Фридриха II и как при этом венгерский монарх мог воспрепятствовать им. Предположение Н. Ф. Котляра об откупе со стороны Белы[43] также не является убедительным, ибо более естественной и понятной реакцией короля был бы арест или убийство Романовичей, которые, судя по документам, пребывали во владениях Арпадов.

Более логичной, на наш взгляд, представляется другая версия. Воинские контингенты Даниила и Василька двигались к Венгрии, чтобы объединиться с войсками их сюзерена — короля Белы IV — и при необходимости общими силами отразить наступление врага. Продвижение во владения Арпадов (как мы допускаем, через галицкие земли) было беспрепятственным потому, что Михаил Всеволодович, Ростислав и местное боярство получили по данному поводу соответствующие указания венгерского монарха. Пребывание Романовичей во владениях Белы и детали встречи с ним — наиболее загадочный момент. Каким образом и при каких обстоятельствах Даниил решил изменить политическую ориентацию и поддержать Фридриха Бабенберга, мы не знаем. Однако понятно, что такой шаг волынского правителя означал расторжение вассального соглашения с венгерским королем. Именно это, по нашему мнению, стало предметом разговора Белы IV и Даниила, после чего король запретил ему продолжать поход и потребовал возвратиться «въ землю свою».

Пребывание на Руси во второй половине весны — первой половине лета 1237 г. Романович использовали для очередного обострения отношений с галицкими правителями. В летописи читаем:

---

[42] Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. С. 596–597.

[43] Котляр М. Ф. Коментар. С. 228.

ЛѢтоу же наставшоу, собравъшася (Романовичи. — *М. В.*) идоста на Галичь на Михаила и Ростислава, затворила бо сѧ бѢѧста во градѢ, и Угоръ множество бѧшеть оу него. И возвративъшисѧ воеваста вколо Звинигорода[44].

Очевидно, что войска Даниила из предыдущего похода в Венгрию вернулись без потерь, а поэтому волынские князья могли успешно начать кампанию, нанеся серьезный материальный ущерб Галицкой земле. М. С. Грушевский, Б. Влодарский, Н. Д. Полонская-Василенко, Н. Ф. Котляр и некоторые другие историки видели в находившихся в осажденном Галиче венграх военный гарнизон[45], хотя в летописи нет прямых указаний на это.

Дальнейшее наступление на галицкие земли волынского князя привело к передаче под его патронат Перемышля[46]. Этот факт также не лишен ряда загадок, поскольку не понятно, почему Михаил Всеволодович и Ростислав решились отдать неприятелям часть своих владений. Еще больше вопросов вызывает согласие последних на такое приобретение, ведь «горная страна Перемышльская» не имела общей границы с волынскими отчинами Даниила и Василька. Установлению здесь власти Романовичей не могло способствовать и традиционно сильное в этом приграничном регионе венгерское влияние, подтверждаемое данными археологических исследований[47].

Поэтому, на наш взгляд, переход Перемышля во владения Даниила не следует считать большим успехом волынских князей. В сложившихся обстоятельствах приобретение отрезанного населенного пункта (каким был Перемышль относительно вотчины наследников Романа) больше напоминало предоставление лена королем Белой. Распространялась ли власть правивших в Галиче черниговских князей на отдаленный Перемышльский край, не известно. Поэтому не исключено, что передача волынскому князю приграничной с Венгрией территории не обошлась без участия Арпадов, убедившихся, что преимущество в борьбе за Галич постепенно переходит к Даниилу.

Поддержка Романовичей Арпадами в их противостоянии с черниговскими князьями сыграла ключевую роль во второй половине 1238 г. Когда волынские князья смогли наконец отбить Галич у Ростислава, последний отправился за помощью в Венгрию, но не нашел там поддержки. Это обозначало изменение характера отношений не только между черниговскими князьями и Даниилом, но и между волынскими правителями и Арпадами. На наш взгляд, последние осознавали, что нет смысла сопротивляться территориальному расширению владений Романовичей, старший из которых был вассалом Белы IV. К тому же король сохранил немалое влияние среди галицкого боярства, что особенно проявилось в 1240–1241 гг., когда значительная его часть нашла убежище в землях короны, бежав от татар[48].

---

[44] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 776.

[45] Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 3. С. 53; Wlodarski B. Polska i Rus. S. 112; Полонська- Василенко Н. Історія України. Т. I. С. 197; Котляр М. 1) Данило Галицький. С. 85; 2) Коментар. С. 224 и др.

[46] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 776.

[47] Koperski A., Parczewski M. Das Altungarische Reitergrab von Przemysl (Südostpolen) // Acta Archeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. T. 30. Budapest, 1978. Fasc. 1–2. S. 213–231; Zakrzewska G. Die Knochenreste eines Pferdes aus dem altungarischen Grab in Przemysl // Ibid. S. 235–241.

[48] Font M. Einige räprazentanten des Kleinadels im polnisch- ungarischen Grenzgebieten im 13 Jh. und die Zukunft ihrer Familie // Specimina nova universitatis quinqueecclesiensis. 1995. № 9. S. 240.

Венгры не стремились в очередной раз обострять отношения между восточнославянский властителями в районе Поднестровья еще и ввиду надвигающейся угрозы монгольского вторжения. О разорении монголами земель Волжской Болгарии и Северо-Восточной Руси при дворе венгерского монарха было подробно известно из писем хана Батыя[49].

[49] Bendefy L. Fontes Authentici itinera (1235– 1238) fr. Iuliani Illustrantes. Budapestini, 1937; Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // ИА. Т. 3. 1940. С. 71–113.